

Восстановить
ОТНОШЕНИЯ
с бывшим

ПРОШЛОЕ ЛГАЛО.
БОЛЬ ИЗМЕНИЛА НАС.
НО ЛЮБОВЬ...
ОНА ВЕРНУЛАСЬ.

СОНА СКОФИЛД

Сона Скофилд

Восстановить отношения с бывшим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73527403

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был мужчиной, которого я не смогла забыть.

Не первой любовью. Не просто бывшим.

Он был тем, после кого внутри ничего уже не остается прежним.

Три года назад одна ночь разрушила нас до основания.

Я увидела чужую женщину у его двери и ушла, уверенная, что меня предали.

Он остался жить с убеждением, что предали его.

Мы потеряли друг друга, так и не узнав правду.

Я почти научилась жить заново. Почти согласилась на спокойную, правильную любовь. Почти убедила себя, что прошлое мертво.

Но в день моей помолвки он вернулся.

С одним взглядом.

С одной фразой.

С правдой, которая оказалась страшнее предательства.

Фальшивые записки. Подделанная реальность. Бывшая жена, которая не отпускает. Женщина, разрушившая нас из любви, похожей на одержимость. И тайна, о которой он не знал все эти годы: после нашей разлуки я потеряла не только его...

Теперь между нами не просто боль прошлого.

Теперь между нами – ребенок, которого не стало.

Вина, которая может уничтожить.

Страсть, которая никуда не исчезла.

Содержание

Глава 1. Я увидела его в день своей помолвки	5
Глава 2. Ночь, которую он мне так и не простил	25
Глава 3. Он вернулся не один	55
Глава 4. Чужая версия моей истории	77
Глава 5. Мы снова работаем вместе	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Сона Скофилд

Восстановить

отношения с бывшим

Глава 1. Я увидела его в день своей помолвки

– Улыбнись, Алина, на тебя смотрят.

Я улыбнулась.

Так улыбаются женщины, которые слишком долго тренировались жить красиво в тот момент, когда внутри давно уже все выгорело. Улыбка легла на лицо ровно, почти безупречно, как тонкая дорогая ткань на манекен. Я даже почувствовала, как напряглись щеки, как светло щелкнул фотоаппарат у декоративной арки из белых роз, как кто-то в зале одобрительно засмеялся. Все было правильно. Именно так, как и должно быть.

Мягкий свет подвесных ламп, золотистый отблеск шампанского в высоких бокалах, музыка без слов, осторожная, дорогая, ненавязчивая. Женщины в струящихся платьях, мужчины с той самой выученной уверенностью в плечах, которая появляется у тех, кто привык не спрашивать цену, а

просто кивать официанту. На длинном столе – свечи, стекло, белые цветы, безупречно сложенные карточки раскладки. За панорамными окнами медленно темнел мартовский вечер, и город внизу уже начинал светиться, будто кто-то зажигал его специально для меня.

Для моей помолвки.

Какое смешное слово. Почти старомодное. Слово из тех времен, когда женщины еще верили, что украшение на безымянном пальце действительно что-то обещает.

– Ты сегодня очень красивая, – тихо сказал Игорь и, склонившись ко мне, поправил выбившуюся прядь у виска.

Он всегда был внимательным. Аккуратным. Правильным.

В его жестах никогда не было спешки, грубости, недосказанности. Он не хватал, не сжимал, не требовал. Он касался так, словно боялся нарушить порядок вещей. Иногда мне казалось, что он относится ко мне как к дорогой вазе в чужом доме: любит, бережет, ставит на видное место – и ни на секунду не забывает, что она должна выглядеть целой.

– Спасибо, – ответила я.

Он улыбнулся удовлетворенно, будто все шло по плану. Скорее всего, так и было. Для него этот вечер был не просто семейным ужином с красивым объявлением. Это была точка. Подтверждение. Правильный выбор, оформленный под шампанское и музыку.

Для меня – тоже точка.

Я долго убеждала себя именно в этом.

В тридцать четыре года женщины устают от хаоса. От мужчин, которые путают страсть с правом причинять боль. От бессонных ночей, когда телефон лежит экраном вверх, а сердце – где-то в горле. От собственной глупой надежды, что если любить достаточно сильно, то любовь непременно станет прочной.

В какой-то момент начинаешь хотеть не счастья.

Покоя.

Надежности.

Человека, рядом с которым не страшно засыпать, потому что он точно окажется утром там же, где и вечером. Человека, с которым не надо разгадывать молчание, пережевывать интонации, вспоминать, что именно ты сказала не так три дня назад. Человека, который не заставляет тебя превращаться в нерв и кровь.

Игорь был именно таким.

Вежливый, состоявшийся, спокойный. Мужчина, рядом с которым жизнь раскладывалась по полкам. С ним не случались безумные примирения под утро, не было звонков в два часа ночи, не было той любви, из-за которой ты сначала оживаешь, а потом учишься дышать заново после очередного удара. С ним все было взрослым. Прозрачным. Безопасным.

Наверное, именно поэтому я согласилась.

Не в тот вечер, когда он сделал предложение.

Гораздо раньше.

В тот день, когда впервые поймала себя на мысли, что

больше не хочу ждать чуда. Что чудо, если оно вообще существует, слишком дорого мне обошлось.

– Через десять минут тост, – напомнила мама, подходя ко мне с бокалом белого вина. – И, пожалуйста, без твоего фирменного лица, будто тебя ведут на казнь.

– Мам.

– Что «мам»? – Она окинула меня быстрым взглядом, поправила невидимую складку на моем рукаве и понизила голос. – Это хороший вечер. Хороший мужчина. Хорошая жизнь. Хватит уже цепляться за свои призраки.

Я посмотрела на нее слишком долго, и она первой отвела глаза.

Вот так всегда. Самые точные удары наносят люди, которые считают, будто желают тебе добра.

– Я не цепляюсь, – сказала я спокойно.

– Конечно, – мягко усмехнулась она. – Поэтому ты сейчас побледнела только от одного слова.

Она ушла, а я осталась стоять посреди мягкого света и чужого смеха, с бокалом шампанского в руке и знакомым ощущением, что на мне слишком тесная кожа.

Призраки.

Нет, мама ошибалась.

Призраки не болят.

Призраки не снятся тебе спустя годы так отчетливо, что утром ты просыпаешься с влажными ладонями и тем самым именем на губах.

Призраки не живут в теле. Не отзываются в мышцах. Не заставляют тебя замирать на секунду каждый раз, когда в толпе мелькает похожий силуэт.

Призраки – это что-то бестелесное, далекое, выцветшее. А он никогда не был выцветшим.

Даже спустя три года.

Даже после того, как я запретила себе произносить его имя вслух.

– Алина?

Я обернулась.

Подошла Лера – моя подруга и по совместительству единственный человек в этом зале, который знал, как именно я умею улыбаться, когда мне хочется выйти в окно.

– Ты в порядке? – спросила она без всяких предисловий.

– Выгляжу не очень?

– Выглядишь так, будто сейчас либо выйдешь замуж, либо кого-нибудь убьешь. Я пока не поняла, что вероятнее.

Я невольно фыркнула, и это был, кажется, первый искренний звук за весь вечер.

– Отличная поддержка.

– Я стараюсь. – Она коснулась моего локтя. – Слушай, еще не поздно передумать. Сбежать через кухню. Я знаю такие случаи. Обычно все очень кинематографично.

– У меня белое платье и мать с повышенным давлением. Никакой кухни.

– Тогда хотя бы честно ответь. Ты его любишь?

Это был вопрос, который я ненавидела.

Потому что на него нельзя ответить красиво.

Игоря можно было уважать. Им можно было восхищаться. С ним можно было строить. Дышать ровнее. Перестать бояться будущего. Но любовь...

Любовь слишком часто путают с бурей, а я уже однажды пережила шторм, после которого меня выносило на берег по частям.

– Мне с ним спокойно, – сказала я.

Лера посмотрела на меня почти с жалостью.

– Это не ответ.

– Это взрослый ответ.

– Нет, Алина. Это ответ женщины, которая решила, что за любовь расплачиваются слишком дорого.

Я сделала вид, что меня отвлекли официанты с подносами, и отвернулась. Потому что именно это было правдой.

Я устала платить.

Устала жить с ощущением, будто счастье всегда требует крови.

Пусть чужой. Пусть моей.

Музыка сменилась на что-то еще мягче. По залу прокатился оживленный шепот: отец Игоря уже направлялся к импровизированной сцене, где должен был сказать пару слов перед тем, как мой жених наденет мне кольцо в присутствии самых близких. Все было продумано. Согласовано. Даже красиво.

Я выдохнула и машинально поправила тонкую цепочку на шее.

Это тоже была старая привычка.

Когда-то там висел кулон, который я не снимала почти два года. Небольшой серебряный прямоугольник с гравировкой внутри. Никому не было видно. Только мне. Только ему.

Теперь шея была пустой.

Как и надо.

– Дамы и господа...

Голос отца Игоря разнесся по залу, уверенный, поставленный, привычный к вниманию. Все начали оборачиваться к сцене, и я тоже сделала шаг вперед, чувствуя, как рядом оказался Игорь. Он легко коснулся моей поясицы. Жест собственности, упакованный в вежливость.

– Все хорошо? – шепнул он.

– Да.

– Ты напряжена.

– Просто устала.

– Еще немного. Потом поедem домой.

Домой.

Это слово не вызвало во мне ничего.

Ни тепла. Ни нежности. Ни ожидания.

Только усталость.

Я подняла взгляд на зал и вдруг почувствовала, как все внутри внезапно, страшно, совершенно нечеловечески замерло.

Сначала я увидела не лицо.

Плечи.

Темный пиджак, сидящий слишком знакомо. Высокую фигуру у дальнего входа. Манеру стоять чуть в стороне от всех, будто ему никогда не нужно было чье-то разрешение войти в пространство и сразу подчинить его себе. Одну руку в кармане. Вторую – расслабленно опущенную вдоль тела. И эту страшную, невыносимую неподвижность мужчины, который не суетится, потому что знает: все равно заметят только его.

А потом он слегка повернул голову.

И мир закончилось.

Нет, не так.

Он не рухнул. Не взорвался. Не исчез.

Он остался на месте.

Стол, свечи, музыка, чья-то речь в микрофон, рука Игоря у меня на талии, бокал в пальцах, свет на стекле – все осталось.

Но между одним ударом сердца и следующим реальность вдруг стала другой. Как будто до этой секунды я смотрела на жизнь через толстое стекло, а теперь кто-то резко выбил его внутрь.

Максим.

Я не произносила его имя три года.

И вот он стоял в дверях моего будущего так, словно имел на это право.

Он почти не изменился – и изменился настолько, что от этого было еще больше.

Черты стали жестче. Лицо – собраннее, острее. Он похудел, или просто в нем стало меньше той легкости, с которой он раньше входил в любую комнату и сразу делал ее своей. Волосы чуть короче, чем я помнила. Темная щетина. Усталость у рта. Чужая взрослая тень в глазах.

Но глаза были те же.

Я их узнала бы среди тысячи.

Эти глаза когда-то смотрели на меня так, будто я была не женщиной, а ударом тока. Будто он не просто хотел меня – он не умел после меня возвращаться в нормальную температуру.

Теперь в них не было ни тепла, ни удивления.

Только холодное, почти невыносимое внимание.

Он увидел меня сразу.

Конечно, увидел.

И не остановился.

Не дрогнул.

Не отвел взгляд.

Будто именно это и собирался сделать с самого начала – войти в зал, где я собиралась объявить о новой жизни, и посмотреть на меня так, чтобы вся моя тщательно сложенная реальность начала трещать по швам.

– Алина? – тихо произнес Игорь.

Я не ответила.

Потому что не могла.

У меня онемели пальцы. Я перестала чувствовать ступни в туфлях. Шум в зале внезапно стал далеким, вязким, как под водой. Кажется, кто-то засмеялся. Кажется, продолжалась речь. Кажется, кто-то поднял бокал. Но все это уже не имело никакого значения.

Максим стоял в нескольких метрах от меня – мужчина, которого я любила так, что после него пришлось заново собирать себя по фрагментам, – и смотрел на меня так, будто это я разрушила его жизнь.

Это было первое, что я поняла сквозь шок.

Не тоска.

Не боль.

Не ревность.

Обвинение.

Оно было в линии его рта. В жестком неподвижном подбородке. В том, как он задержал взгляд на кольце у меня на пальце – не на том, которое Игорь собирался надеть сегодня, а на старом тонком кольце на мизинце, которое я носила просто как украшение. Я почти увидела, как в нем что-то едва заметно дернулось.

И тут память ударила так резко, что мне стало трудно дышать.

Ладонь на моей шее.

Его голос в темноте:

«Если однажды ты решишь уйти, скажи мне это в лицо.

Не исчезай».

Мой смех, тихий, сонный:

«Куда я денусь от тебя?»

Какой же я была глупой.

– Алина, – уже тверже сказал Игорь.

Я моргнула.

– Что?

– Ты белая.

– Просто душно.

Он проследил за моим взглядом и тоже увидел его.

Я почувствовала это по тому, как чуть сильнее напряглась рука у меня на талии.

– Ты его знаешь? – спросил Игорь почти небрежно, но слишком тихо.

Это был опасный тон. Мужчины редко задают подобные вопросы случайно. Обычно они уже чувствуют ответ и просто проверяют, насколько глубоко придется копать.

– Да, – сказала я.

Одно короткое слово.

Но во рту оно оказалось вкусом крови.

– Кто это?

Я открыла рот.

И не смогла ответить.

Потому что кем он был?

Бывшим?

Нет. Слишком плоско. Слишком безопасно.

Мужчиной, с которым у меня были отношения?

Смешно.

Максим не был «отношениями». Он был катастрофой с человеческим лицом. Моей великой любовью и моей самой большой ошибкой. Мужчиной, после которого все другие казались либо слишком тихими, либо слишком осторожными, либо слишком чужими. Он был тем, о ком не рассказывают новым женихам вежливым тоном за ужином. Тем, кого вырезают из биографии вместе с половиной нервной системы.

Но сказать это вслух я, разумеется, не могла.

– Мы были знакомы давно, – произнесла я наконец.

Игорь посмотрел на меня внимательнее, чем мне хотелось.

– Просто знакомы?

Я повернулась к нему и впервые за весь вечер позволила себе ледяную вежливость.

– Не сейчас.

Он выдержал паузу. Кивнул. Отпустил мою талию.

Со стороны это выглядело как уважение к моим границам.

На самом деле это было напоминание.

Тем временем отец Игоря уже заканчивал свою речь, а гости – те самые, которые чувствуют напряжение быстрее запаха дорогих духов, – начали украдкой поворачивать головы: сначала к нам, потом к мужчине у двери, потом снова к нам. В воздухе мгновенно появилось то опасное, вязкое любопытство, которое рождается там, где в красивом вечере

вдруг проступает трещина.

Максим не подходил.

Он просто стоял и смотрел.

И от этого было хуже.

Если бы он подошел, сказал что-то резкое, спровоцировал сцену – у меня был бы враг напротив. Конкретный, понятный, живой. Я бы защищалась. Злилась. Собиралась. Но его неподвижность была страшнее любого скандала. Она означала, что у него есть время. Что он не сомневается в своем праве быть здесь. Что он не собирается делать ничего, кроме самого опасного – ждать, пока я сама не сломаюсь под тяжестью его взгляда.

Я не заметила, как слишком крепко сжала бокал.

Лера моментально оказалась рядом.

– Боже мой, – выдохнула она едва слышно. – Только не говори, что это...

– Да.

– Он охренел?

– Видимо.

– Ты знала, что его пригласили?

– Нет.

– Игорь знает, кто это?

– Пока нет.

– Пока? – Лера коротко посмотрела на меня. – Алина, ты выглядишь так, будто сейчас упадешь в обморок или пойдешь к нему.

– Не пойду.

– Это ты мне говоришь или себе?

Я не ответила.

Потому что тело уже отвечало за меня.

Я знала, как пахнет его кожа после дождя. Знала, как он щурится, когда злится по-настоящему. Знала, что если он молчит так долго, значит внутри у него происходит что-то страшное. Знала, каким голосом он произносит мое имя в темноте. Знала, каково это – лежать у него на груди и думать, что больше ничего в жизни не надо.

Все это знание не исчезает, даже если ты много лет подряд делаешь вид, что выросла.

– Дамы и господа, – с улыбкой произнес отец Игоря, – сегодня особенный вечер для нашей семьи...

Аплодисменты.

Я не хлопала.

Максим медленно перевел взгляд с меня на сцену, потом обратно. Очень спокойно. Очень жестко.

Я вдруг поняла, что он пришел не случайно.

Не как чей-то плюс один.

Не по ошибке.

Не потому что ему стало любопытно, как я живу.

Он пришел именно сегодня.

И именно ко мне.

В горле стало сухо.

– Алина, – снова услышала я голос Игоря, – нам нужно

выйти к сцене.

Нужно.

Да.

Конечно.

Я сделала шаг – и в этот момент Максим тоже сдвинулся с места.

Совсем немного.

Просто пошел вдоль стены, медленно, не торопясь, будто искал удобную точку обзора.

Но я почувствовала это движение физически. Будто кто-то провел ножом по внутренней стороне кожи.

Он был все ближе.

И я ненавидела себя за то, что замечала каждую мелочь: как лежит ткань пиджака на его плечах, как блеснули часы на запястье, как напряглась челюсть, когда кто-то из гостей остановил его приветствием. Он кивнул, сказал пару слов, даже чуть улыбнулся – не мне, кому-то другому, – и от этого стало еще страшнее.

Он умел быть безупречным, когда хотел.

Но я знала, чего стоила эта безупречность.

Когда-то именно после такой улыбки он мог закрыть дверь спальни и прижать меня к ней так, будто весь день копил голод. Когда-то именно таким тоном – спокойным, почти ленивым – он мог сказать фразу, после которой у меня дрожали колени. Когда-то этот мужчина умел одним взглядом превращать меня в оголенный провод.

Когда-то.

Прошлое всегда возвращается не в той форме, к которой ты готова.

– Алина, – сквозь зубы произнесла Лера, – дыши.

Я только тогда поняла, что почти не дышу.

Сцена, гости, музыка, ожидание тоста – все снова навалилось одновременно. Игорь уже протягивал мне руку, мягко, уверенно, как человеку, который знает: его не оттолкнут на глазах у семьи.

Я положила пальцы в его ладонь.

Холодные.

Он заметил.

Конечно, заметил.

Мы сделали несколько шагов вперед. Кто-то зааплодировал громче. Кто-то поднял телефон для съемки. Свет стал ярче. Я слышала собственный пульс у висков. Все происходило ровно так, как было задумано, и одновременно – совершенно не так.

Потому что за моей спиной, в нескольких метрах, стоял мужчина, с которым у меня когда-то была не жизнь, а пожар. И одного его присутствия хватило, чтобы я поняла ужасную вещь:

ничего во мне не умерло.

Я лгала себе все эти годы.

Не вылечилась.

Не отпустила.

Не забыла.

Я просто аккуратно сложила эту любовь в самую темную часть себя, села сверху и назвала это взрослением.

– Алина и Игорь, – торжественно произнес отец Игоря, – сегодня мы рады разделить с вами начало новой главы...

Новая глава.

Господи.

Если бы кто-то знал, как страшно звучат эти слова, когда старая история вдруг входит в зал и смотрит на тебя чужими глазами.

Я почти не слышала дальнейшую речь. Видела только, как Игорь достает маленькую бархатную коробочку. Как улыбается его мать. Как мама уже промокает уголки глаз салфеткой, растроганная самой идеей устроенной, правильной жизни. Как гости подаются вперед, предвкушая красивый момент.

И как Максим, стоя чуть в стороне, не сводит с меня взгляда.

В один миг мне стало ясно: если Игорь наденет кольцо, что-то во мне захлопнется навсегда.

Не обязательно любовь.

Нет.

Скорее последняя честность.

Именно это ощущение оказалось невыносимым.

– Алина? – Игорь открыл коробочку. – Ты со мной?

Простой вопрос.

Нормальный вопрос.

Но он прозвучал так, будто мне впервые за очень долгое время предложили ответить не вслух, а по-настоящему.

Ты со мной?

Я посмотрела на кольцо.

На тонкий белый блеск камня.

На руку Игоря.

На лица гостей.

На маму.

На Леру, которая замерла где-то сбоку с таким выражением, будто готова в любую секунду броситься спасти меня от меня самой.

А потом – на Максима.

И в эту секунду он сделал то, чего я боялась больше всего.

Он едва заметно усмехнулся.

Не издевательски. Не громко.

Почти горько.

Будто видел меня насквозь.

Будто знал, что я сейчас не здесь. Не с женихом, не среди гостей, не в этом красивом свете. А там – в том месте, куда сама себе запретила возвращаться.

И я внезапно поняла: он не удивлен.

Он пришел сюда, уже зная, что сможет это со мной сделать.

Сможет одним взглядом стереть три года моей аккуратно выстроенной жизни.

Сможет вернуть мне ту меня, которую я хоронила в тишине и работе, в рассудочных решениях, в «так правильно», в «пора взрослеть», в «спокойствие важнее».

Сможет напомнить, какой я была рядом с ним.

Живой.

Вот что было самым страшным.

Не боль.

Не стыд.

Не прошлое.

А то, что рядом с Максимом я когда-то была живой, а все это время без него – всего лишь удобной версией себя.

– Алина, – голос Игоря стал жестче, – ты меня слышишь?

Я моргнула.

Все ждали.

Буквально все.

И именно в этот момент, когда воздух в зале натянулся до предела, в кармане моего клатча завибрировал телефон.

Коротко.

Один раз.

Потом второй.

Механически, почти не понимая, что делаю, я опустила взгляд, вытащила его и увидела сообщение с незнакомого номера.

Всего одна фраза.

«Ты правда выходишь замуж после того, что сделала?»

У меня ушла земля из-под ног.

Я медленно подняла глаза.

Максим уже не улыбался.

Он просто смотрел на меня.

И я поняла, что это только начало.

Глава 2. Ночь, которую он мне так и не простил

Я не помню, как закончился тот вечер.

Память иногда ведет себя как трусливый свидетель: самое страшное оставляет, а все остальное стирает подчистую. Я помнила холод телефона в ладони. Помнила, как побелели мои пальцы на клатче. Помнила взгляд Максима – неподвижный, тяжелый, слишком осознанный для случайности. Помнила, как губы Игоря что-то говорили, но слова не доходили до меня, будто между нами вдруг опустили толстое стекло.

И еще я помнила одну простую, невыносимую мысль:

он написал это не ради скандала. Он написал это, потому что был уверен – я пойму, о чем речь.

Вот только я не понимала.

И от этого мне становилось по-настоящему страшно.

– Алина?

Голос Игоря прозвучал совсем близко. Слишком близко. Я моргнула, будто вынырнула с глубины, и увидела его лицо – собранное, уже не улыбающееся. Бархатная коробочка по-прежнему лежала у него на ладони, и это было так неправильно, так жестоко по отношению ко всему происходящему, что мне вдруг захотелось рассмеяться.

Или разбить что-нибудь о мраморный пол.

– Извини, – выдохнула я. – Мне... мне нужно на минуту выйти.

В зале стало так тихо, будто кто-то незаметно убрал звук.

Не полностью. Смех, звон бокалов, музыка – все еще были. Но поверх этого уже легла другая тишина. Та самая. В которой десятки людей одновременно делают вид, что ничего не заметили, и при этом замечают вообще все.

– Сейчас? – очень спокойно спросил Игорь.

Он всегда умел говорить спокойно, когда злился.

Это, наверное, даже пугало сильнее крика.

– Да, сейчас.

– Алина, это не лучшее время для...

– Мне нужно выйти, – повторила я, уже не заботясь о мягкости тона.

Секунда.

Две.

Три.

Он закрыл коробочку. Щелчок прозвучал почти неприлично громко.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Иди.

Но в его «хорошо» не было ни понимания, ни заботы. Только решение, которое он пока еще отложил на потом.

Я повернулась раньше, чем кто-то успел меня остановить. Белое платье, каблуки, выпрямленная спина – со стороны все наверняка выглядело достойно. Женщина просто вышла

подышать. Перенервничала. С кем не бывает.

Но внутри меня уже шла трещина – длинная, живая, от горла до самого низа живота.

Я знала одно: если сейчас не выйду из этого зала, меня вывернет прямо посреди чужих тостов и цветов.

Я почти добежала до коридора, где было темнее и прохладнее. За спиной остались музыка и шепот, впереди тянулся узкий проход к лестнице, гардеробу и террасе для курящих. Я остановилась только у высокого окна, уперлась ладонью в холодное стекло и впервые позволила себе вдохнуть по-настоящему.

Воздуха не хватало.

Сердце стучало так, будто пыталось проломить грудную клетку.

Телефон все еще был у меня в руке. Экран светился этим сообщением, будто насмехался.

Ты правда выходишь замуж после того, что сделала?

После того, что сделала.

Что?

Что именно?

Я перечитала фразу раз, второй, третий. Номер был мне незнаком. Ни имени. Ни фотографии. Ни следа, за который можно было бы уцепиться. Только эти слова, от которых по коже шла ледяная волна.

Я нажала «позвонить».

Гудок.

Еще один.

Потом короткие сигналы сброса.

Он не собирался говорить по телефону.

Конечно, нет.

Максим всегда выбирал форму удара так, чтобы он пришелся точно в центр.

– Я думала, ты хотя бы досмотришь до кольца.

Его голос прозвучал за спиной так близко, что я едва не выронила телефон.

Я резко обернулась.

Он стоял в нескольких шагах от меня, уже без той дистанции, которой мучил в зале. В полумраке коридора он казался еще выше, еще жестче. Свет из окна ложился на его лицо неровно, подчеркивая скулы, тень щетины, прямую линию рта. Здесь не было гостей, свечей, музыки, вежливых улыбок. Только мы двое и три года молчания между нами.

Я смотрела на него – и ненавидела собственное тело за то, что оно узнало его раньше меня.

За то, как сжался живот.

За то, как кожа сразу стала слишком чувствительной.

За то, как все внутри вспомнило этого мужчину не как бывшего, а как опасность, к которой тянет сильнее, чем к спасению.

– Это ты? – спросила я и подняла телефон. – Сообщение твое?

Он даже не посмотрел на экран.

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что ты либо пьян, либо сошел с ума.

– Нет. – Он сделал еще шаг. – Я как раз впервые за долгое время в очень ясном уме.

Я должна была ответить что-то жесткое. Холодное. Должна была поставить его на место, потребовать объяснений, напомнить, что он ворвался на мою помолвку без приглашения и ведет себя так, будто имеет на это право.

Но вместо этого я спросила то, что пульсировало во мне с первой секунды:

– Что я сделала?

Он усмехнулся.

Вот так, без радости, одним уголком губ. Почти так же, как несколько минут назад в зале.

– Даже сейчас будешь делать вид, что не понимаешь?

– Я не делаю вид, Максим.

Его имя сорвалось с моих губ почти беззвучно, но от этого не стало легче. Наоборот. Оно ударило нас обоих. Я увидела, как что-то мелькнуло в его глазах – слишком быстро, чтобы назвать это болью, но достаточно явно, чтобы понять: он тоже слышит, как давно я не произносила его имя.

– Не ври мне, – тихо сказал он.

– Я тебе не вру.

– Ты всегда умела это так говорить, что хотелось поверить.

Я замерла.

Вот оно.

Не случайный укол. Не показное хамство. Настоящая ненависть. Старая, крепко заваренная, выдержанная временем. Не выгоревшая за три года. Не осевшая. Живая.

И почему-то именно это ранило сильнее всего.

Потому что ненавидят не тех, кто ничего не значил.

– Ты пришел сюда, чтобы оскорбить меня? – спросила я. – Или у тебя есть что-то кроме красивых намеков?

– Красивых? – Он качнул головой. – Нет, Алина. Красивым было то, как ты тогда исчезла.

Я будто получила удар под дых.

Исчезла.

На секунду коридор качнулся.

– Что?

– Не надо, – отрезал он. – Только не начинай делать свои глаза. Не сегодня.

– Какие еще глаза?

– Те самые, после которых я выгляжу сумасшедшим, а ты – женщиной, которая вообще ни при чем.

Я смотрела на него и не узнавала логику происходящего. Нет, хуже – я слишком хорошо узнавала ее ритм. Тот самый ритм, в котором Максим всегда говорил только половину фразы, а вторую половину тебе приходилось вытаскивать из него кровью.

Но раньше между нами было право на такую жестокость. Право, купленное близостью, бессонными ночами, телами,

привычками, словами, которые знаешь только вы двое.

Теперь у него этого права не было.

И все же он вел себя так, будто оно никуда не делось.

– Ты можешь наконец объяснить нормально? – спросила я. – О чем ты вообще говоришь?

– О нас.

– Нас давно нет.

– Ошибаешься, – сказал он так спокойно, что у меня по спине пошел холод. – У меня ты закончилась не тогда, когда ушла.

Я сжала телефон крепче.

Это была уже не злость. И не растерянность. Это было что-то намного хуже. Смесь боли и запретной надежды, которую я ненавидела в себе больше всего.

Нельзя.

Нельзя было слышать такие слова и чувствовать, как внутри все срывается с привязи.

Нельзя было стоять перед мужчиной, который три года назад разбил тебя так, что ты потом училась не писать ему ночами, не искать его лицо в толпе, не возвращаться к его дому просто потому, что ноги сами туда несли, – и при этом ощущать, как у тебя дрожат колени не от страха, а от памяти.

Нельзя.

Но тело никогда не спрашивает, что тебе уже нельзя.

– Ты исчез, – тихо сказала я. – Не я.

В первый раз за этот разговор его лицо изменилось по-

настоящему.

Совсем чуть-чуть.

Как будто я произнесла нечто настолько абсурдное, что он даже не сразу смог подобрать реакцию.

– Я? – переспросил он.

– Да, ты. – Теперь во мне поднималась уже не только растерянность, но и та старая ярость, которую я столько лет забивала внутрь. – Ты пропал, Максим. После той ночи. После всех своих обещаний. После всего, что между нами было. Просто исчез.

– Невероятно.

– Что именно?

– То, как глубоко ты вжилась в свою версию.

– Это не версия. Это то, что произошло.

Он коротко рассмеялся, и этот звук был хуже пощечины.

– Нет, Алина. То, что произошло, – совсем другая история.

– Тогда расскажи мне ее! – сорвалась я. – Потому что, видимо, одна из нас жила в аду, а второй все три года было лень хотя бы открыть рот!

Он шагнул ко мне так резко, что я невольно отступила и спиной почти коснулась стекла.

– Не говори мне про ад, – тихо произнес он.

Без крика. Без нажима. Но от этого шепота у меня заledenели ладони.

Я слишком хорошо знала его такую интонацию.

Так он говорил в те редкие моменты, когда ярость у него уже проходила глубже кожи и становилась чем-то почти страшным в своей собранности.

– Тогда объясни, – прошептала я. – Объясни, что я, по-твоему, сделала.

Он долго смотрел на меня.

Так долго, что я почувствовала, как каждая секунда становится физической. Осязаемой. Натянутой между нами, как тонкая проволока.

А потом он произнес:

– Ты выбрала не просто уйти. Ты выбрала унижить меня так, чтобы я это запомнил на всю жизнь.

Я молчала.

Потому что ничего из этого не имело смысла.

Потому что на моей памяти именно он не пришел.

И именно это стало точкой.

И именно после этого я три недели жила как в лихорадке, потом еще несколько месяцев – как в плохой копии себя, а потом просто научилась не произносить его имя.

– Это бред, – выдохнула я.

– Конечно. Удобнее всего назвать бредом то, с чем не хочется жить.

– Я не понимаю, о чем ты.

– Тогда давай вспомним.

Он произнес это без вопроса.

Как приговор.

И прежде чем я успела ответить, память сама открылась во мне – резко, болезненно, без спроса.

Тот вечер пах дождем и разогретым асфальтом.

Я помню это слишком хорошо, хотя с тех пор прошли годы. Воспоминания о настоящей любви вообще не стареют красиво. Они не покрываются мягкой пылью. Не становятся теплее. Они просто лежат внутри тебя острыми предметами – и в какой-то момент ты случайно касаешься одного из них.

Мне было двадцать девять.

Ему – тридцать три.

К тому времени мы уже почти год жили в том состоянии, которое нельзя было назвать просто отношениями. Это было больше похоже на зависимость, замаскированную под взрослую любовь.

Нет, не ту зависимость, где люди ломают друг друга из каприза и скуки.

Хуже.

Ту, где двое действительно слишком сильно совпали.

Где не нужно было играть в идеальные версии себя.

Где я могла прийти к нему без макияжа, в старой футболке, злая на весь мир, и через пять минут уже смеяться у него на кухне, пока он варит кофе и целует меня в висок, даже не оборачиваясь. Где он умел читать мое молчание точнее, чем другие люди – мои слова. Где секс никогда не был просто сексом, а ссоры никогда не были просто ссорами, потому что мы оба вкладывали в каждое касание и каждую обиду

слишком много жизни.

С Максимом все было слишком.

Слишком больно.

Слишком честно.

Слишком жадно.

Слишком голо.

Он не ухаживал красиво, как Игорь. Не строил из себя удобного мужчину. Он мог приехать ко мне в два ночи, если чувствовал по голосу, что я плакала. Мог сорваться посреди важной встречи, потому что у меня температура. Мог не отвечать два часа, а потом появиться с таким взглядом и такими руками, что я забывала, как вообще жила до него.

Он был некомфортным человеком для спокойной жизни.

Но невозможным – для жизни без него.

В ту ночь я ехала к нему, уже зная, что разговор будет тяжелым.

В тот день мы поссорились. Сильно. Неправильно. До дрожи.

Из-за ерунды, как это часто бывает у людей, для которых мелочи давно уже перестали быть мелочами. Сначала это был всего лишь спор – о его постоянной занятости, о моем раздражении, о том, что он вечно решает все сам и считает, будто потом можно просто обнять меня, и я перестану злиться. Потом слова стали резче. Потом он бросил что-то про мою привычку устраивать драму там, где надо просто подождать. Потом я сказала, что он привык любить так, буд-

то делает одолжение.

Это было нечестно.

Но метко.

Он замолчал сразу.

Я помню эту паузу по секундам. Как он стоял у окна моего кабинета. Как за стеклом шел дождь. Как в его лице вдруг закрылось все.

– Повтори, – сказал он тогда.

Я не повторила.

Потому что уже поняла, что зашла слишком далеко.

Но было поздно.

Он взял ключи, посмотрел на меня тем самым взглядом – тем, от которого внутри становится тихо и очень страшно, – и произнес:

– Когда поймешь, что именно сказала, позвони.

И ушел.

Раньше я бы помчалась за ним.

Вцепилась бы в рукав. Не дала выйти. Заплакала. Начала говорить быстрее, чем думаю.

Но в тот день меня тоже переклинило.

Я осталась стоять посреди кабинета, с бешено колотящимся сердцем и унижительным чувством, что он опять решил закончить разговор своим уходом. Как будто именно он всегда имеет право ставить точку.

Через два часа я все же поехала к нему.

С его любимой черной рубашкой из химчистки – дурац-

кий повод, но мне нужен был хоть какой-то предлог не выглядеть женщиной, которая просто не выдержала разлуки в одну ссору.

Был дождь. Летний, теплый, вязкий. Мокрый город светился в лужах. Я поднималась к нему без звонка, уже зная, что как только он откроет дверь и посмотрит на меня, я либо расплачусь, либо поцелую его первой.

Дверь открыла женщина.

Секунду я даже не поняла, что именно вижу.

Светлая рубашка.

Влажные волосы.

Босые ноги.

Тонкая рука на дверной ручке.

И это растянутое на вечность мгновение, когда ты еще надеешься, что сейчас все объяснится, что мир не обязан ломаться так быстро, что это ошибка, соседка, родственница, случайность, сон, что угодно – только не то, что уже понимает твое тело.

– Да? – спросила она.

Я не помню, что ответила.

Кажется, ничего.

Потому что в глубине квартиры, за ее плечом, я увидела его.

Максима.

Он шел в коридор, застегивая часы на запястье.

Не испуганный.

Не виноватый.

Не растерянный.

Просто очень злой.

И именно это убило меня быстрее всего.

Не женщина у его двери.

А его лицо.

Будто я явилась некстати.

Будто нарушила нечто, на что уже давно не имела права.

– Алина, – сказал он тогда.

И я до сих пор ненавижу, как спокойно прозвучало мое имя в его голосе.

– Понятно, – ответила я.

Вот и все.

Одно слово.

Но на нем закончилась моя прежняя жизнь.

Он сделал шаг ко мне.

Я отступила.

Потом еще один.

– Ты не так поняла.

Классика.

Самая унижительная фраза в истории женских катастроф.

Я помню, как улыбнулась. Даже слишком ровно. Как будто не я стою с рубашкой в руках у двери мужчины, которого люблю так, что иногда страшно, а какая-то другая женщина. Более сильная. Более холодная. Та, которой все равно.

– Не надо, – сказала я. – Ничего не надо.

– Алина, послушай.

– Нет.

Мне хотелось умереть прямо там.

Не образно. Не красиво.

По-настоящему.

Чтобы не доживать до той минуты, когда придется повернуться, пройти мимо лифта, выйти под дождь и признать: все оказалось хуже, чем ты думала.

– Я тебе сейчас все объясню, – сказал он уже жестче.

И вот тут я сорвалась.

Потому что не объясняют после.

Не объясняют, когда ты уже увидела.

Не объясняют мужчине, который считает, будто может сначала впустить в дом другую женщину, а потом все исправить правильным тоном.

– Не смей, – сказала я тогда.

Кажется, впервые в жизни таким голосом.

Женщина у двери исчезла куда-то в сторону. Максим вышел в коридор полностью, и я до сих пор помню, как стукнуло его обручальное... нет, не обручальное. Часы. Просто часы. Но в тот момент любой блеск металла на его руке казался мне доказательством чужой власти на нем.

– Ты сейчас уйдешь домой, – сказал он. – И не будешь устраивать это на лестнице.

Устраивать это.

Я до сих пор слышу эту фразу как пощечину.

Не «тебе больно».

Не «давай поговорим».

Не «это не то, что ты думаешь».

А именно так.

Как будто я была проблемой. Сценой. Источником неудобства.

– Конечно, – ответила я. – Не дай бог я испорчу тебе вечер.

Он дернулся, как от удара.

Но было поздно.

Я швырнула пакет с рубашкой ему под ноги и ушла.

Без истерики.

Без слез.

Без последней фразы.

Просто ушла.

Это, наверное, и добило меня сильнее всего потом. Что в тот момент я не оказалась героиней красивой драмы. Не разбила вазу. Не вlepила ему пощечину. Не закричала.

Я просто спустилась вниз, под дождь, в котором невозможно было понять, что на лице – вода или слезы, села в машину и минут сорок не могла повернуть ключ.

А утром он не приехал.

Не позвонил.

Не появился.

Не выбил дверь.

Не остановил.

Ничего.

Сначала я думала: даст остыть.

Потом: ждет, пока я сама выйду на связь.

Потом: стыдно.

Потом: занят.

Потом: не знает, что сказать.

Через три дня я уже не думала.

Через неделю не ела.

Через две почти не спала.

Через месяц поняла страшное: можно умереть не сразу, а очень медленно, если однажды проснуться и узнать, что человек, вокруг которого крутился твой внутренний мир, просто вычеркнул тебя без объяснений.

Я не писала.

Ни разу.

Гордость?

Нет.

Скорее инстинкт самосохранения.

Если бы он тогда ответил мне холодно, я бы не пережила.

А если бы не ответил – тем более.

Поэтому я делала то, что делают многие сломанные женщины: держала спину прямо на людях, работала, пила воду по расписанию, ночами сворачивалась калачиком на кровати и училась не тянуться к телефону.

Потом я случайно увидела его фото в сети.

Деловой ужин.

Несколько мужчин.

Чьи-то отмеченные профили.

И та самая женщина – на заднем плане, чуть размыто, но узнаваемо.

Этого хватило.

История закрылась.

Так я тогда решила.

Так я заставила себя жить дальше.

– Я пришла к тебе, – сказала я, возвращаясь в настоящий момент. – Я все еще помню эту ночь, Максим. И прекрасно помню, что увидела.

Он стоял напротив, не двигаясь.

– Ты увидела только то, что захотела, – произнес он.

– У тебя дома была женщина.

– Да.

– Ночью.

– Да.

– После нашей ссоры.

– Да.

Я коротко засмеялась.

Получилось хрипло.

– И ты до сих пор хочешь сказать, что я что-то не так поняла?

– Хочу сказать, что ты даже не дала мне объяснить.

– Ты сказал, что я устраиваю это на лестнице.

Его лицо дрогнуло.

Едва заметно.

Но дрогнуло.

– А ты до сих пор помнишь именно это, – сказал он тише.

– Представь себе.

– А я помню, как ты на следующее утро отправила мне через секретаря документы и записку.

Я застыла.

– Что?

– Не надо, Алина.

– Какие еще документы?

Теперь он смотрел на меня почти с тем же потрясением, что и я на него секунду назад.

– Ты серьезно?

– Максим, какие документы?

Он долго молчал.

Потом медленно достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист.

Старый.

Помятый по сгибам.

Берегут так не бумагу. Берегут улику. Или рану.

Он протянул его мне.

– На, – сказал он. – Освежи память.

Мои руки вдруг стали непослушными.

Я взяла лист, развернула.

Плотная офисная бумага. Копия какого-то соглашения, закрытие общего проекта, финансовые формальности – мы

тогда собирались запускать одну совместную идею, мелкую, но важную. Я почти не вчитывалась, потому что взгляд сразу упал на короткую записку, приколотую скрепкой сверху.

Несколько строк, написанных не от руки, а напечатанных.

Максим

после вчерашнего не вижу смысла ни в личном, ни в общем

считай, что между нами все закончено

не ищи меня

Алина

У меня потемнело в глазах.

– Нет, – выдохнула я.

– Да.

– Я этого не писала.

– Конечно.

– Я не писала этого! – уже почти крикнула я и подняла на него глаза. – Я вообще ничего тебе не отправляла. Ничего.

Он смотрел так, будто хотел верить и не мог.

И в этот момент я поняла: все эти годы он жил с этой бумажкой.

С моим якобы холодным прощанием.

С этим унижительным «не ищи меня».

Три года.

Три года мы оба были уверены, что брошены другим.

И от этой мысли меня затрясло по-настоящему.

– Кто тебе это принес? – спросила я.

– Твоя секретарь. Уже бывшая. В офис.

– Оксана?

– Кажется, так ее звали.

Я вцепилась в лист так, что бумага хрустнула.

Оксана.

Высокая брюнетка с идеально гладким голосом. Она тогда уволилась через пару недель после всего. Быстро. Странно. Я еще подумала, что совпало.

Господи.

– Я не отправляла ее, – сказала я уже тише, но с такой яростью, что у меня дрожали губы. – Я клянусь тебе, Максим. Я тогда вообще не могла нормально дышать. Какие, к черту, документы.

Он провел ладонью по лицу.

На секунду в нем исчез тот ледяной контроль, с которым он держался весь вечер. И я увидела то, что не ожидала увидеть никогда: усталость. Настоящую. Глубокую. Мужскую усталость человека, который слишком долго носил в себе одну и ту же ненависть, потому что без нее пришлось бы признать нечто еще более болезненное.

– Тогда какого черта, – очень тихо сказал он, больше себе, чем мне, – ты не пришла потом?

Я посмотрела на него так, будто он задал самый жестокий вопрос на свете.

– А ты?

Снова тишина.

Но теперь другая.

Не враждебная.

Разбитая.

Он опустил глаза первым. Совсем ненадолго, на секунду.

Но и этого мне хватило, чтобы понять: он тоже возвращался к той ночи не сотни раз, а тысячи.

– Я пришел, – сказал он.

Я перестала дышать.

– Что?

– Через день. К тебе домой. Потом еще раз. И еще.

Я покачала головой.

– Нет.

– Да.

– Я бы знала.

– Не знал бы, если бы твой консьерж не сказал мне, что ты просила больше меня не пускать.

Я почувствовала, как холод стекла за спиной становится ледяным.

– Я не просила.

Он поднял на меня взгляд.

И в этот момент мы оба поняли одно и то же.

Кто-то не просто разрушил нас.

Кто-то очень старательно сделал так, чтобы мы **не смогли** друг до друга дойти.

По коже пошел озноб.

Оксана.

Консьерж.

Записка.

Та женщина у двери.

Все это вдруг перестало быть просто болью двух гордых взрослых людей. В истории появилась чужая рука. Чужая воля. Чей-то интерес.

И от этого стало еще хуже.

Потому что если нас действительно развели намеренно, значит, все эти годы я жила не только с потерей.

Я жила с украденной правдой.

– Кто была та женщина? – спросила я хрипло.

Он ответил не сразу.

– Сестра моего партнера.

– Ночью?

– У нее случилась истерика после передозировки таблеток. Ее привезли ко мне, потому что брат был в отъезде, а я ближе всех. Врач уже был внутри. Но ты не дала мне договорить.

Мне стало дурно.

Я прикрыла глаза.

Конечно.

Ну конечно.

Жизнь вообще любит самые унижительные совпадения – такие, где правда оказывается не романтичной и не красивой, а просто чудовищно нелепой для той боли, которую ты успел из нее вырастить.

– Почему ты не догнал меня? – спросила я, не открывая глаз.

– Догнал бы, если бы ты дала мне обуться и выйти, а не захлопнула дверь лифта у меня перед лицом.

Я открыла глаза.

– Ты даже это помнишь?

– Я помню все.

Он сказал это так спокойно, что у меня внутри снова что-то оборвалось.

Я помню все.

Не «кое-что».

Не «главное».

Все.

И я вдруг поняла, что эта ночь не кончилась для него тогда так же, как не кончилась для меня.

Мы просто таскали ее в себе по-разному.

– Зачем ты пришел сегодня? – спросила я после долгой паузы.

Он долго смотрел на меня.

Потом ответил:

– Сначала – чтобы увидеть, сможешь ли ты правда надеть чужое кольцо и сделать вид, что ничего между нами не было.

– А потом?

Его челюсть напряглась.

– А потом увидел твое лицо. И понял, что если сейчас снова промолчу, то убью нас окончательно.

Нас.

Он сказал «нас».

Не «то, что было».

Не «историю».

Не «прошное».

Нас.

– Ты не имеешь права так говорить, – прошептала я.

– Может быть.

– После трех лет – не имеешь.

– А ты имеешь право выходить замуж, пока я все еще...

Он замолчал.

И это было страшнее любого законченного признания.

Потому что я и так услышала продолжение.

Все еще живу этим.

Все еще ненавижу.

Все еще хочу.

Все еще не отпустил.

Я не знала, какое из них было правдой.

И, кажется, он тоже.

С дальнего конца коридора послышались шаги.

Чьи-то голоса.

Реальность возвращалась, как всегда, не вовремя.

Максим забрал у меня лист, сложил его и снова убрал во внутренний карман. Его пальцы на миг дрогнули, когда коснулись ткани пиджака.

– Тебя ищут, – сказал он.

Я посмотрела в сторону зала, потом снова на него.

– Ты тоже пришел не один?

Вопрос сорвался сам.

Ненужный. Почти жалкий.

Но я не смогла удержать.

Его взгляд на секунду стал другим. Теплее? Усталее?

Опаснее?

– Ты правда хочешь это сейчас знать?

– Да.

– Нет, я пришел один.

Странное облегчение оказалось почти стыдным.

Я ненавидела себя за него.

– А если бы я не вышла? – спросила я.

– Вышла бы.

– Откуда такая уверенность?

Он чуть склонил голову, и на одно мгновение в нем проступил тот прежний Максим – мужчина, который когда-то знал меня лучше всех на свете.

– Потому что ты никогда не умела оставаться равнодушной, когда больно по-настоящему.

Шаги стали ближе.

На повороте коридора уже мелькнула фигура Леры.

Еще секунда – и нас увидят вместе.

Я должна была отойти. Выпрямиться. Надеть на лицо то самое спокойствие, которым женщины маскируют катастрофу. Вернуться в зал. Сказать Игорю что-нибудь внятное.

Принять решение.

Но вместо этого я спросила:

– Почему ты сказал в сообщении «после того, что сделала»?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

И впервые за весь разговор в его взгляде не было ни злости, ни упрёка.

Только старая, очень мужская боль.

– Потому что три года я был уверен: ты выбросила меня из своей жизни так же легко, как сегодня собиралась надеть кольцо другого.

Лера уже почти подошла.

Я видела это боковым зрением.

Видела и понимала: еще мгновение – и этот разговор придется оборвать. А значит, снова остаться с полуправдой, с нервами наружу, с разодранным прошлым, которое только начало говорить человеческим голосом.

– Максим...

Я сама не знала, что хочу сказать дальше.

Остановись.

Не уходи.

Объясни все до конца.

Почему ты все еще так на меня смотришь.

Почему я все еще не могу рядом с тобой дышать.

Но он уже отступил на шаг.

Собрался.

Снова стал тем самым мужчиной в дорогом темном пиджаке, слишком спокойным для чужих глаз.

– Не возвращайся к нему, пока не ответишь себе честно, зачем ты это делаешь, – сказал он.

– Ты не можешь мне указывать.

– Нет. – Он чуть кивнул. – Но я могу впервые за три года сказать тебе правду: я не прощу, если ты снова примешь решение за нас обоих, ничего не выяснив.

За нас обоих.

Господи.

Лера появилась в коридоре именно в этот момент.

Остановилась. Перевела взгляд с меня на него. На меня снова.

Она была достаточно умна, чтобы не задавать вопросы сразу.

– Алина, – сказала она осторожно, – тебя Игорь ищет. И... – она коротко посмотрела на Максима, – кажется, уже не только он.

Я обернулась на секунду – и увидела в дальнем конце коридора мужской силуэт.

Игорь.

Он еще не подошел. Но уже видел нас.

Даже на расстоянии я поняла: он видел достаточно.

Когда я снова повернулась, Максима рядом уже не было.

Только запах его парфюма, смешанный с прохладой ночного стекла. И это было почти жестоко – как раньше. Он все-

гда умел исчезать так, что после него в пространстве оставалось слишком много его.

– Что произошло? – шепотом спросила Лера, подходя ближе.

Я не сразу смогла ответить.

Потому что внутри меня уже не было ни прежней уверенности, ни прежней обиды, ни прежнего порядка.

Только хаос.

Только страшное понимание, что та ночь, которую я оплакала и похоронила, на самом деле никогда не была тем, чем казалась.

И только одно, совсем новое ощущение, от которого подкашивались ноги:

если он сказал правду, значит, я не пережила предательство.

Я пережила подставу.

И, возможно, потеряла любовь не потому, что нас разлюбили, а потому что нас развели.

– Алина, – уже жестче позвала Лера.

Я посмотрела на нее и наконец выдохнула:

– Лера... кажется, я все эти годы ненавидела его не за то.

Игорь пошел к нам быстрее.

А я стояла в белом платье посреди холодного коридора и впервые за три года понимала: худшее в этой истории не то, что Максим вернулся.

Худшее – что вместе с ним вернулась надежда.

И я не знала, что опаснее:
снова его потерять
или снова ему поверить.

Глава 3. Он вернулся не один

Игорь шел к нам быстро, но не бежал.

Именно это пугало сильнее всего.

Мужчины, которые теряют контроль на людях, хотя бы предсказуемы. Они повышают голос, делают резкие движения, говорят лишнее, выдают себя. С ними все просто: гнев всегда заметен. Но Игорь был не из таких. Он принадлежал к опасной породе мужчин, у которых ярость сначала уходит глубоко внутрь, становится тихой, холодной, почти элегантной – и только потом начинает разрушать.

Я увидела это по его лицу сразу.

Ни тени улыбки. Ни растерянности. Только собранность, от которой у меня внутри что-то неприятно стянулось.

Он остановился в двух шагах от нас. Посмотрел на Леру, потом на меня. Очень внимательно. Почти слишком спокойно.

– Все в порядке? – спросил он.

Обычный вопрос.

Но это было не заботой.

Это было допросом, упакованным в вежливость.

– Да, – ответила я.

– Правда?

– Мне просто нужно было выйти.

Он молчал еще секунду. Потом скользнул взглядом туда,

где только что стоял Максим. Коридор уже был пуст. Разумеется. Максим никогда не оставался на месте, когда главный удар уже нанесен.

– Я вижу, – сказал Игорь. – Что выйти тебе нужно было не одной.

Лера сразу сделала то, за что я любила ее много лет: без лишних слов поняла, когда нужно исчезнуть.

– Я подожду тебя в зале, – тихо сказала она и сжала мое запястье чуть сильнее, чем было бы уместно для обычной поддержки. Предупреждение. Опора. Напоминание, что я не одна.

Когда она ушла, воздух в коридоре стал жестче.

Игорь приблизился еще на полшага. Не вплотную. Достаточно, чтобы сохранить видимость уважения, но сократить дистанцию до предела.

– Кто это? – спросил он.

Я устала от этого вопроса еще в зале. Но теперь за ним стояло уже не любопытство, а мужская территория, задетое самолюбие и то особое унижение, которое чувствует жених, увидев свою невесту в белом платье напротив другого мужчины – так, будто весь остальной мир в этот момент перестал существовать.

– Мой бывший, – сказала я.

Прямо.

Без украшений.

Без удобных формулировок.

Игорь медленно кивнул.

– Я уже понял.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Потому что я хочу услышать это от тебя, а не додумывать по выражению твоего лица.

Больно точно.

Я отвела взгляд.

За стеклом темнел город. На парковке блестели после недавней сырости крыши машин. Где-то внизу открылась дверца такси, кто-то в ярком пальто засмеялся слишком звонко для такого вечера. Обычная чужая жизнь. Нормальная. Легкая. Мне захотелось на секунду стать кем угодно, только не собой.

– Что ему было нужно? – спросил Игорь.

– Поговорить.

– На твоей помолвке?

– Как видишь.

– И ты, конечно, ничего не знала заранее.

– Нет.

Он долго смотрел на меня.

– Алина, ты понимаешь, как это выглядит?

Я коротко усмехнулась. Получилось устало.

– Поверь, со стороны изнутри это выглядит не лучше.

– Не надо переводить в шутку.

– Я и не перевожу.

Он выдохнул через нос и опустил взгляд на мои руки.

Наверное, со стороны они выглядели не слишком убедительно для женщины, которой нечего скрывать. Пальцы дрожали. Телефон я сжимала так, будто он был единственным твердым предметом в этой реальности.

– Ты плачешь? – вдруг спросил он.

Я вскинула голову.

Только тогда поняла, что глаза действительно жжет. Не от слез даже. От напряжения. От злости. От унижительного возвращения прошлого в тот самый вечер, когда я пыталась доказать себе, что давно живу дальше.

– Нет.

– Тогда почему ты выглядишь так, будто у тебя случилось несчастье?

Потому что оно и случилось.

Только не сегодня.

Три года назад.

А сегодня оно просто встало у двери и напомнило, что я ничего не пережила по-настоящему.

– Мне надо домой, – сказала я тихо.

– Сейчас?

– Да.

– Ты оставишь гостей посреди вечера?

– Игорь, пожалуйста.

Он прищурился. Совсем немного. Но я знала этот тип мужчин: для них «пожалуйста» в неудобный момент часто звучит как попытка уйти от ответственности.

– Нет, не пожалуйста, – произнес он. – Сначала ты объяснишь, почему в день нашей помолвки из-за одного человека у тебя такой вид, будто все рухнуло.

Я почувствовала, как во мне поднимается злость. Не та беспомощная, горячая, как рядом с Максимом. Другая. Более ясная. Более холодная.

– Ты правда хочешь этот разговор прямо сейчас? Здесь? Между залом с твоими родственниками и лестницей?

– Я хочу понять, на что именно я смотрю.

– Тогда смотри внимательно, – ответила я. – Потому что я сама пытаюсь это понять.

Он замолчал.

Впервые за все время на его лице проступило не раздражение, а нечто похожее на задетую гордость. И я почти увидела, как в нем ломается привычная схема: тихая, разумная, благодарная Алина, которая не устраивает сцен, не заставляет ждать, не бросает его с коробочкой на глазах у семьи, вдруг ведет себя как женщина, которой больнее, чем прилично.

– Он все еще тебе не безразличен? – спросил он.

Вот теперь удар пришелся точно.

Я посмотрела на него и не сразу смогла ответить.

Потому что если бы спросил кто-то другой, я бы соврала быстрее. Нашла бы взрослую формулировку. Сказала бы, что дело не в чувствах, а в шоке, в незакрытом прошлом, в неожиданности, в нарушенных границах. Я бы красиво объ-

яснила себе и миру, что взрослые женщины не разваливаются на части из-за бывших. Особенно спустя три года.

Но Игорь задал вопрос слишком просто.

А на простые вопросы всегда труднее отвечать ложью.

– Я не знаю, – сказала я наконец.

И это была самая честная фраза за весь вечер.

Его лицо стало совсем неподвижным.

– Понятно.

– Нет, не понятно.

– Наоборот. Очень понятно.

Он чуть отступил. Не из уважения. Из внутреннего решения. Это движение я почувствовала почти физически.

– Я не хочу быть мужчиной, с которым соглашаются из усталости, Алина, – сказал он. – Но еще меньше я хочу быть мужчиной, которого выбирают, пока внутри жив кто-то другой.

Я закрыла глаза на секунду.

Потому что в этой фразе было слишком много правды.

Слишком много того, что я сама запрещала себе формулировать.

– Я не хотела тебя унижить.

– А получилось именно так.

– Я не специально.

– Разве от этого легче?

Нет.

Конечно, нет.

В этот момент я впервые за вечер по-настоящему увидела его не как правильного мужчину, а как человека, которому больно. Который строил план, приглашал семью, выбирал кольцо, верил, что сегодня получит уверенное «да», а вместо этого смотрит на женщину, которую собирался назвать своей женой, и понимает: в ее глазах все еще жив другой.

И от этого стало стыдно.

Стыд не за чувства.

За то, что я вообще зашла так далеко, не ответив себе на главный вопрос.

– Игорь...

– Не надо, – перебил он мягко, но твердо. – Не говори сейчас то, что говорят из чувства вины. Я не хочу утешительных решений.

Он был лучше, чем я могла ему дать.

И именно поэтому мне стало еще хуже.

Из зала донеслись шаги и чьи-то голоса. Несколько человек явно искали нас, но пока не решались подойти слишком близко. Я почти физически чувствовала, как за дверями растет напряжение, как любопытство собирается в шепот, как родственники делают вид, что все под контролем.

Ничего уже не было под контролем.

– Давай закончим вечер достойно, – сказал Игорь. – Ты вернешься в зал, попрощаешься, скажешь, что тебе стало плохо. Завтра мы спокойно поговорим. Без зрителей. И решим, что делать дальше.

Слова были правильные. Тон – тоже. Но между «мы поговорим» и «решим, что делать дальше» уже лежала трещина. Не истеричная, не громкая. Холодная и очень взрослая.

– Хорошо, – ответила я.

– Хорошо? – Он посмотрел мне прямо в глаза. – Алина, ты понимаешь, что это может быть концом?

Я выдержала его взгляд.

– Да.

Он кивнул.

И ушел первым.

Я осталась стоять в коридоре еще несколько секунд, пока не услышала, как вновь зашумел зал. Жизнь быстро заполняет неловкость, если ей помочь правильными словами. Наверняка уже придумали, что мне стало душно. Или упало давление. Или перенервничала невеста. Люди обожают красивые объяснения. Они делают чужие катастрофы приемлемыми для ужина.

Я медленно выдохнула и только тогда заметила, что телефон до сих пор в моей руке.

Экран погас.

Сообщение осталось.

Одно короткое предложение, которое уже успело разрезать мне вечер пополам.

Ты правда выходишь замуж после того, что сделала?

Я открыла чат снова.

Пусто.

Никакой новой реплики.

Никакой попытки объясниться.

Только этот укол.

Я ненавидела Максима за то, как точно он все еще умел выбирать момент для удара.

И ненавидела себя за то, что внутри этой ненависти уже шевелилось что-то еще.

Не только злость.

Не только боль.

Надежда.

Чудовищная, унижительная, живая надежда, что если нас действительно развели, значит, не вся наша история была ложью. Значит, я не ошиблась в самой любви. Значит, мы не разрушили друг друга сами.

От этой мысли хотелось одновременно плакать и кричать.

Я заставила себя вернуться в зал.

Люди действительно сделали вид, что ничего особенного не произошло. Мама суетилась с озабоченным лицом. Отец Игоря уже перекинул внимание гостей на еду и шампанское. Несколько женщин смотрели на меня с той липкой смесью участия и удовольствия, с которой обычно наблюдают чужую неловкость. Лера была у бара и сразу поймала мой взгляд. В ее лице читался один вопрос: **ты жива?**

Не вполне.

Но стояла.

Этого пока хватало.

– Все в порядке? – прошептала мама, подходя ко мне слишком быстро. – Ты меня напугала.

– Просто душно.

– Душно ей, – процедила она, но тут же натянула обеспокоенную улыбку для окружающих. – Игорь сказал, вы, наверное, перенервничали. Надо было раньше поесть.

Я посмотрела на нее и едва не засмеялась.

Поесть.

Да, конечно. Иногда женщине просто надо поесть, и тогда бывшие мужчины не возвращаются на помолвки, не вытаскивают из могил старые чувства и не переворачивают три года жизни одной фразой.

– Я поеду домой, – сказала я.

Мама резко перестала улыбаться.

– Сейчас?

– Да.

– Ты с ума сошла? Люди только приехали.

– Мам, мне плохо.

– Игорь поедет с тобой?

– Нет.

Ее глаза сразу сузились.

– Что произошло?

– Ничего, что можно обсудить в центре зала.

Она хотела сказать что-то еще, но в этот момент к нам подошел один из родственников Игоря с натянутой любез-

ностью, и мне удалось уйти к гардеробу раньше, чем мама решила, что имеет право на подробности.

Лера догнала меня уже у лестницы.

– Я еду с тобой, – сказала она без вступления.

– Не надо.

– Надо.

– Лер...

– Нет. Даже не пробуй. По твоему лицу видно, что либо ты сейчас разрыдаешься в машине, либо поедешь искать его. В обоих случаях я нужна рядом.

Я вдруг так устала, что не осталось сил спорить.

– Хорошо.

Пока мы ждали пальто, я поймала себя на совершенно ненормальном желании обернуться. Посмотреть, не стоит ли он где-нибудь в стороне. Не следит ли за мной из тени. Не ждет ли еще одного шанса заговорить.

Никого.

Пусто.

И это почему-то ранило.

Будто я уже успела привыкнуть к тому, что он есть в пространстве.

Будто однажды открытая рана требует продолжения боли, иначе не верит, что все было настоящим.

На улице было холоднее, чем я ожидала. Ночной воздух ударил в лицо резко, почти отрезвляюще. Мы спустились по ступеням, и только тогда я увидела у края парковки черный

автомобиль.

Незнакомый.

Дорогой.

Слишком знакомо уверенно припаркованный чуть в стороне от остальных.

Возле него стояла женщина.

Высокая. Очень прямая. В длинном светлом пальто, с гладко собранными волосами и тем самым типом внешности, который никогда не бывает случайным. Она держала в руках телефон и смотрела не в экран, а на вход. На меня.

Сердце ударило сильнее.

– Это кто? – тихо спросила Лера, уже проследив за моим взглядом.

Я не ответила.

Потому что не знала.

Но женское чутье – унизительно точный прибор. Оно срабатывает раньше фактов. Раньше логики. Раньше достоинства.

Женщина у чужой машины ночью у ресторана, где только что был твой бывший, редко оказывается просто прохожей.

Она заметила, что я смотрю на нее, и едва заметно изменилась в лице. Не смутилась. Не отвернулась. Наоборот – собралась еще сильнее, как будто приняла решение.

Потом открылась задняя дверь машины, и оттуда вышел Максим.

Я замерла.

Ветер тронул полы моего пальто. Где-то рядом щелкнул брелок сигнализации, кто-то смеялся у входа, хлопнула дверца такси – а я смотрела только на него.

Он тоже увидел меня сразу.

На мгновение весь мир снова сжался в одну прямую линию между нами.

Потом женщина шагнула к нему.

Не вцепилась.

Не прижалась.

Просто подошла слишком естественно для постороннего человека.

И сказала что-то, чего я не слышала.

Но слышала себя.

Точнее, свою кровь в ушах.

Ревность пришла мгновенно. Жестоко. Безобразно.

Не взрослая, рассудочная досада. Не мысль «он имеет право». Не уважительное признание, что у людей есть жизнь после нас.

Нет.

Животная, унижительная, почти физическая ревность.

Настолько сильная, что мне захотелось отвернуться и не смотреть. И настолько жадная, что я не смогла отвести глаз.

– Вот сука, – очень тихо произнесла Лера.

– Не надо, – автоматически сказала я.

– Это не оценка. Это нервный диагноз ситуации.

Максим стоял вполоборота к женщине, но смотрел на ме-

ня.

Не на Леру.

Не на вход.

На меня.

И именно от этого стало хуже всего.

Потому что если бы он был занят своей спутницей, если бы наклонился к ней, коснулся ее руки, улыбнулся ей той спокойной мужской улыбкой, которую раньше оставлял мне, – было бы проще. Больнее, но проще. Тогда картинка стала бы ясной: у него своя жизнь, у меня своя, и все, что случилось сегодня, – лишь запоздалый удар прошлого.

Но он не смотрел на нее.

Он смотрел так, будто между нами по-прежнему есть нечто важнее любой красивой женщины у машины.

И от этого меня разрывало еще сильнее.

– Садимся, – сказала Лера.

Но я не сдвинулась.

Женщина наконец тоже посмотрела на меня. Очень внимательно. С каким-то странным выражением. Не победным. Не насмешливым. Скорее оценивающим. Почти изучающим.

Потом сказала Максиму еще что-то и протянула ему ключи.

Он ответил коротко. Не двинулся.

Ключи она не убрала.

Значит, ждала.

Значит, между ними все же было что-то достаточно близкое, чтобы стоять вот так ночью, у его машины, и не выглядеть случайной.

Я резко отвернулась.

Хватит.

Это уже унижало меня слишком откровенно.

– Поехали, – сказала я.

Мы сели в такси. Дверь захлопнулась с неприятной окончательностью. Я назвала адрес, и машина плавно тронулась.

Только тогда поняла, что дрожу.

Лера молчала первые минуты. Правильно делала. Некоторые состояния нельзя трогать словами сразу – они от этого становятся только грязнее.

Мы выехали на проспект. Город скользил за окном мокрыми огнями. Светофоры, витрины, отражения фар в стекле. Ночная жизнь, которой не было дела до того, что я только что увидела и почувствовала.

– Итак, – сказала Лера, когда мы свернули на набережную. – Начнем с простого. Ты хочешь убить его или поцеловать?

Я закрыла глаза.

– Оба варианта.

– Отлично. Значит, клиническая картина ясна.

– Не смешно.

– Я и не шучу. – Она повернулась ко мне. – Что он тебе сказал?

Я медлила.

Не потому, что не хотела делиться. Просто слова казались слишком тяжелыми, слишком хрупкими и слишком опасными, чтобы выносить их в обычную речь.

Но если не сказать сейчас, я начну сходиться с ума в одиночку.

– Он сказал, что не исчезал, – произнесла я. – Что я якобы отправила ему записку и документы, что между нами все кончено. И попросила не искать меня.

– Что?

– А я ничего не отправляла. Никогда.

– Подожди. То есть он реально все эти годы думал, что это ты его бросила?

– Да.

– А ты думала, что он просто ушел к другой?

Я уставилась в темное стекло окна.

– Да.

Лера несколько секунд молчала.

– Твою мать.

– Вот именно.

– А женщина тогда у него дома?

– Он говорит, это сестра его партнера. У нее была истерика, передозировка таблетками, врач внутри. И я не дала ему объяснить.

– А он не догнал тебя?

– Говорит, не успел. Что я захлопнула лифт у него перед

НОСОМ.

– А потом?

– Потом он якобы приходил ко мне домой. Несколько раз. Но консьерж сказал, что я просила его не пускать.

Лера откинулась на спинку сиденья и тихо присвистнула.

– Это уже не любовная драма, это какой-то заговор в дорогих интерьерах.

– Лер, мне сейчас не до твоих жанров.

– А мне как раз до них. Потому что жанры помогают понять масштаб пиздеца.

Я невольно выдохнула смешок.

Слава богу за друзей, которые умеют вставить грубое слово ровно там, где оно удерживает тебя от истерики.

– Ты ему веришь? – спросила она.

Вот это был вопрос.

Главный.

Самый страшный.

Я думала, что ответ возникнет сразу – либо да, либо нет. Но внутри было совсем другое. Неуверенность. Сомнение. Голод по правде. И еще то опасное чувство, когда твое тело уже поверило, а голова отчаянно сопротивляется, потому что знает цену прошлой ошибки.

– Я не знаю, – ответила я честно. – Но когда он показывал эту записку... Лера, он хранил ее. Все это время. Словно носил с собой не бумагу, а кость в теле.

– Значит, ему было не все равно.

– Этого мало.

– Согласна.

Я прижалась виском к холодному стеклу.

Перед глазами снова всплыл момент у машины.

Женщина в светлом пальто.

Ключи в ее руке.

Его взгляд – на мне.

Боже.

Как можно одновременно хотеть правды и бояться ее больше всего на свете?

– Ты видела ее? – спросила Лера уже мягче.

– Да.

– И что думаешь?

– Думаю, что ненавижу себя.

– За что?

– За то, как меня накрыло.

Она чуть наклонилась ко мне.

– Алина. Ты увидела женщину рядом с мужчиной, которого, как выясняется, вообще-то не перестала любить. Было бы странно, если бы тебя не накрыло.

Я резко повернула к ней голову.

– Не говори так.

– Как?

– Будто это уже факт.

– А это и есть факт.

– Нет.

– Тогда соври мне убедительно.

Я открыла рот – и закрыла.

Потому что нечем было.

Потому что убедительно у меня больше не получалось даже для самой себя.

Такси остановилось у моего дома. Мы поднялись ко мне молча. Ключ в замке повернулся как-то слишком громко. Квартира встретила нас тишиной, светлыми стенами, дорожками, тщательно выбранными вещами и тем порядком, который всегда казался мне взрослым достижением.

Сегодня он выглядел как декорация.

Лера сразу пошла на кухню ставить чайник. Я осталась в прихожей, не снимая пальто, и вдруг поймала себя на одной жуткой мысли:

если бы сейчас раздался звонок в дверь, я бы знала, кого хочу увидеть.

И это был бы не мой жених.

Меня скрутило от стыда.

Я медленно сняла обувь, прошла в гостиную и только там заметила, что телефон снова завибрировал.

Сердце подпрыгнуло так резко, что я почти выронила его.

Сообщение.

Не от Максима.

От неизвестного номера.

Всего три слова:

Не верь ему

Я уставилась в экран.

Мир словно снова качнулся.

Лера вошла в комнату с двумя кружками и сразу поняла по моему лицу, что что-то случилось.

– Что?

Я молча протянула ей телефон.

Она прочитала. Выругалась.

– Ну все. Я официально ненавижу всех неизвестных абонентов.

– Это уже не смешно, – прошептала я.

– А никто и не смеется.

Я взяла телефон обратно. Палец завис над клавиатурой. Ответить? Позвонить? Спросить, кто это?

Но что-то внутри подсказало: тот, кто пишет такое, не хочет разговаривать открыто. Он хочет направлять. Пугать. Вмешиваться. Подбрасывать куски правды или лжи так, чтобы я сходила с ума между ними.

Именно так уже кто-то однажды сделал с моей жизнью.

– Значит, кто-то все еще рядом, – сказала Лера.

– Кто-то, кто знает достаточно, чтобы вмешиваться именно сейчас.

– Или кто-то, кто боится, что правда всплывет.

Я медленно села на диван.

Чай остыл бы, если бы у нас сейчас вообще оставалась способность пить как нормальные люди.

– Как звали твою бывшую секретаршу? – спросила Лера.

– Оксана.

– А консьерж тогда кто был?

– Пожилой мужчина. Потом его сменили.

– А женщина у машины сегодня?

– Не знаю.

– Игорь?

Я прикрыла глаза.

– Господи.

– Что?

– Я даже не подумала о нем.

– Это нормально. Когда прошлое вырывает дверь с петель, текущий мужчина обычно временно превращается в мебель.

– Спасибо, теперь мне еще и стыдно за формулировку.

– Пусть будет стыдно, но точно.

Она села рядом.

– Слушай меня внимательно. Сегодня ты ничего не решаешь. Ни про Игоря. Ни про Максима. Ни про свою жизнь. Сегодня ты только дышишь и собираешь факты.

Я кивнула.

Это звучало разумно.

Разум сейчас был единственным тонким мостом над бездной.

– А завтра? – спросила я.

– А завтра мы начинаем копать.

Я посмотрела на нее.

– Мы?

– Конечно, мы. Ты думаешь, я пропущу момент, когда выяснится, что твою великую драму могли разыграть чужими руками? Нет уж. Теперь это личное.

Я впервые за вечер улыбнулась по-настоящему.

Слабо. Устало. Но все же.

А потом телефон снова завибрировал.

В этот раз сердце даже не подпрыгнуло – оно будто сжалось в кулак заранее.

Новое сообщение.

С того же неизвестного номера.

Он не один уже давно

Я застыла.

Лера выхватила у меня телефон быстрее, чем я успела моргнуть.

Прочитала.

Медленно подняла глаза.

– Ну вот, – сказала она очень тихо. – Похоже, твоя соперница решила выйти из тени.

И в ту же секунду меня пронзила одна страшная мысль: женщина у машины смотрела на меня не как случайная спутница.

Она смотрела так, будто уже знала, кто я.

И будто ждала именно этой ночи.

Глава 4. Чужая версия моей истории

Ночью я не спала.

Это было не то состояние, когда человек ворочается, считает часы, включает и выключает лампу, пытается убедить себя, что утром все станет проще. Нет. Сон просто не пришел ко мне ни разу. Я лежала с открытыми глазами, слушала тишину квартиры и чувствовала, как внутри меня медленно, методично ломается старый порядок.

Иногда жизнь держится не на счастье.

И даже не на любви.

Она держится на версии событий, в которую ты однажды заставила себя поверить, чтобы выжить.

Моя версия была простой: он предал, я ушла, потом мы оба выбрали молчание, и все, что случилось после, – лишь последствия чужой слабости. В этой версии была боль, унижение, бессонные ночи, но был и смысл. Жестокий, но понятный. Меня оставили. Меня не выбрали. Я ошиблась в человеке. Значит, надо переболеть, повзрослеть, научиться выбирать надежность вместо пожара.

Теперь эта версия трещала.

И под ней открывалось не облегчение, а еще более страшная пустота.

Потому что если он не предавал меня тогда так, как я думала, значит, я три года оплакивала не реальность – я оплакивала подделку.

А украденная правда всегда болит сильнее, чем обычная потеря.

Лера осталась у меня на ночь. Я слышала, как она пару раз выходила на кухню попить воды, потом возвращалась в гостевую. Она не лезла ко мне с разговорами, и за это я была ей почти благодарна до слез. Некоторые ночи надо переживать в одиночку, даже если ты не одна в квартире. Особенно если не одна.

К трем утра я встала.

Прошла босиком на кухню, налила воды, не выпила. Потом вернулась в гостиную, взяла телефон и снова открыла сообщения.

Не верь ему

Он не один уже давно

Холодный свет экрана делал эти слова еще более мерзкими. Как будто кто-то не просто писал мне, а сидел где-то рядом в темноте и с удовольствием наблюдал, как я разламываюсь между прошлым и настоящим.

Я нажала на номер. Опять.

Снова короткие гудки. Потом сброс.

Хорошо.

Значит, не хочет говорить голосом.

Значит, боится быть узнанной. Или узнанным.

Я открыла профиль. Пусто. Ни фото. Ни имени. Новый номер или специально очищенный.

Руки чесались написать что-нибудь резкое. Спросить, кто это. Отправить в ответ ледяное «трусость плохо сочетается с анонимностью». Но я уже чувствовала: именно этого и ждут. Реакции. Эмоций. Втягивания в чужую игру.

Я отложила телефон.

И впервые за эту ночь позволила себе вспомнить не сообщение, не женщину у машины и даже не лицо Игоря в коридоре.

А взгляд Максима, когда я сказала: **я ничего тебе не отправляла.**

Вот что не давало мне покоя больше всего.

Не его слова. Не обвинения. Не даже старая ярость между нами.

А тот короткий миг, когда он понял, что либо я лгу ему сейчас в лицо, либо все эти годы он жил с чужой подделкой в руках.

В его лице тогда что-то рухнуло.

Совсем немного. На секунду. Но я увидела.

И, к своему ужасу, поверила.

Утро пришло без сна.

Серое, сырое, слишком тихое. За окном по стеклу тянулся мелкий дождь, такой прозрачный, что город казался нарисованным поверх него. Голова болела. Во рту был металлический привкус. Платье с помолвки висело на двери шкафа, и

один взгляд на белую ткань вызывал во мне почти физическое отвращение.

Лера нашла меня на кухне в свитере и с холодным кофе в руках.

– Ты вообще ложились? – спросила она.

– Формально да.

– По факту нет.

– По факту я за ночь прожила еще одну жизнь.

Она села напротив, отодвинула мой кофе и подала свежий, горячий.

– Значит, теперь живем эту. С фактами.

Я усмехнулась. Слабо.

– Ты прямо как следователь по делам бывших.

– Не смешно, но да. План такой: сначала Игорь, потом Оксана, потом по возможности выясняем, кто эта женщина у машины и какого черта анонимка решила стать режиссером вашего воссоединения.

– Ты так говоришь, будто это уже воссоединение.

– Нет, – спокойно сказала Лера. – Я говорю так, будто кто-то очень боится даже шанса на него.

И это попало слишком точно.

Телефон завибрировал ровно в тот момент, когда я уже собиралась ответить.

Игорь.

Разумеется.

Я смотрела на экран несколько секунд.

Потом приняла вызов.

– Доброе утро, – сказал он.

Голос был спокойный. Сдержанный. Слишком нейтральный для мужчины, чью помолвку вчера фактически разорвали пополам.

– Доброе.

– Нам нужно поговорить.

– Да.

– Сегодня. Лично.

– Хорошо.

Пауза.

– В двенадцать. У меня в офисе.

Я закрыла глаза на секунду.

Офис.

Не кафе. Не нейтральное место. Не моя квартира. Его территория.

Логично.

– Хорошо, – повторила я.

Он помолчал еще немного, потом добавил:

– И, Алина... постарайся прийти уже без сюрпризов.

Связь оборвалась раньше, чем я успела ответить.

Я медленно положила телефон на стол.

– Ну? – спросила Лера.

– В двенадцать. У него в офисе.

– Прекрасно. Люблю мужчин, которые зовут на расставание туда, где у них хороший стол и контроль над простран-

СТВОМ.

– Не факт, что это расставание.

– А что еще? Второй раунд предложения под слайд-презентацию?

Я выдохнула, потеряла висок и вдруг поняла, что усталость во мне уже не главная. Главной стала какая-то очень тихая, но жесткая готовность.

Вчера я была растерзана.

Сегодня – зла.

И злость оказалась намного полезнее.

– После Игоря я поеду искать Оксану, – сказала я.

Лера одобритительно кивнула.

– Вот это уже похоже на мою подругу.

– А если ее не найду?

– Найдем след. Люди редко исчезают бесследно, если раньше слишком активно участвовали в чужой жизни.

Я почти улыбнулась.

Почти.

В двенадцать без пяти я стояла перед стеклянными дверями офиса Игоря и чувствовала себя так, будто иду не на разговор, а на вскрытие.

Погода была отвратительной. Мелкий дождь висел в воздухе мутной пылью, машины оставляли на асфальте темные полосы, люди вокруг торопились, прижимая воротники кшее. Город жил своим днем, а мне казалось, что я вхожу в ту часть жизни, где уже не будет возможности притворяться.

Секретарь проводила меня сразу.

Игорь ждал в кабинете. Без пиджака, в белой рубашке, с закатанными рукавами и тем самым видом мужчины, который с утра уже успел превратить личную катастрофу в управляемую задачу.

На столе стояли две чашки кофе.

Как всегда.

Он всегда умел быть безупречным даже в момент удара.

– Проходи, – сказал он.

Я вошла, села напротив и сразу поняла: разговор будет хуже, чем я думала.

Потому что он уже все решил. Еще до того, как я открыла рот.

– Как ты? – спросил он.

– Ты правда хочешь вежливый вариант или честный?

– Честный.

– Плохо.

Он кивнул.

– Это хотя бы взаимно.

Я опустила взгляд на чашку кофе. Черная поверхность, тонкая светлая каемка. Все слишком аккуратно. Ненавижу аккуратность в момент, когда внутри хаос.

– Я не буду делать вид, что вчера ничего не произошло, – начал Игорь. – И не буду унижать ни тебя, ни себя просьбами немедленно дать ответ, кого ты выбираешь. Вопрос глубже.

Я молчала.

– Я хочу знать одно, – продолжил он. – Ты шла ко мне по любви или по необходимости?

Очень точный удар.

Вот за это я всегда и уважала его. Он не размазывал. Не устраивал театральные паузы. Не спрашивал «ты меня использовала?» как обиженный подросток. Он сразу бил туда, где находился смысл.

– Я шла к тебе, потому что рядом с тобой мне было спокойно, – сказала я.

– Это я уже слышал. Теперь отвечай на вопрос.

Я подняла глаза.

– Нет. Не по любви в том смысле, в каком ты, наверное, этого хотел.

Он выдержал мой взгляд без единой эмоции.

Только челюсть чуть напряглась.

– Хорошо, – сказал он. – Еще честнее. Если бы вчера не появился он, ты бы вышла за меня?

Я не ответила сразу.

И этим ответила слишком многое.

Он усмехнулся. Не зло. Почти устало.

– Понятно.

– Игорь...

– Нет, дай мне договорить. – Он откинулся на спинку кресла. – Я все время подозревал, что у тебя внутри есть какая-то запаянная комната, куда мне входа нет. Ты была рядом, внимательна, благодарна, теплая временами. Но нико-

гда – до конца моя. Я убеждал себя, что это просто осторожность, взрослая женская сдержанность, прошлый тяжелый опыт. А вчера увидел правду в чистом виде.

Мне стало трудно дышать.

Потому что он не лгал.

Я и правда держала внутри себя комнату, где до сих пор пахло другим мужчиной, дождем, прошлым и той жизнью, которую я так и не смогла похоронить окончательно.

– Я не хотела тебя обманывать, – сказала я тихо.

– Но обманывала.

Снова правда.

Чистая. Холодная. Без права на красивое оправдание.

– Что ты хочешь услышать от меня? – спросила я.

– Ничего утешительного. Это самое важное. – Он сцепил пальцы в замок. – Я хочу понять, есть ли хоть один шанс, что ты могла бы выбрать меня не из страха перед хаосом, а потому что действительно хочешь быть со мной.

Я молчала.

Долго.

Так долго, что ответ стал очевиден раньше слов.

Игорь кивнул сам себе.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что хотя бы сейчас не врешь.

Вот тут мне стало по-настоящему стыдно.

Не театрально. Не красиво.

Так, как стыдно бывает взрослой женщине, которая слишком долго называла компромисс зрелостью.

– Мне жаль, – сказала я.

– Я знаю.

– Правда.

– Я тоже знаю.

Он встал, подошел к окну и несколько секунд смотрел вниз, на мокрую улицу.

Когда заговорил снова, голос был все таким же ровным.

– Помолвки не будет.

Я закрыла глаза.

Хотя знала это еще до встречи, услышать вслух все равно оказалось больно.

Не потому что я теряла любовь.

Потому что теряла версию жизни, в которой могла наконец все сделать правильно.

– Хорошо, – ответила я.

– Для семьи я скажу, что мы решили не спешить.

– Спасибо.

– Не благодари. Это не благородство. Это просто нежелание устраивать цирк.

Я кивнула.

Справедливо.

Он повернулся ко мне.

– А теперь скажи честно. Ты собираешься вернуться к нему?

Вот он.

Вопрос, который я сама себе запрещала произносить.

– Я не знаю, – сказала я.

– Ты его все еще любишь?

Я хотела снова уклониться. Хотела сказать, что речь не о любви, а о правде, которую надо выяснить. О старой подставе. О незакрытых ранах. О том, что прошлое нельзя просто вот так впустить обратно.

Но после всего, что уже было сказано в этом кабинете, ложь выглядела бы совсем жалко.

– Да, – сказала я.

Одно слово.

И этим словом окончательно закрыла дверь в одну жизнь и приоткрыла другую – опасную, неясную, почти пугающую.

Игорь опустил взгляд.

Потом тихо усмехнулся.

– Удивительно. Знаешь, что самое неприятное? Я ведь чувствовал это почти с самого начала. Но очень надеялся, что заботой и стабильностью можно победить то, что тебя однажды уже сожгло.

Я не знала, что ответить.

Потому что иногда поражение хорошего человека – самая тяжелая форма вины.

– Он не заслуживает тебя по умолчанию только потому, что заставляет тебя сильнее чувствовать, – сказал Игорь уже жестче. – Не перепутай правду с зависимостью.

Это было умно.

Больно.

И очень вовремя.

– Не перепутаю.

– Надеюсь.

Я встала.

Разговор был закончен. Мы оба это поняли.

У двери он сказал:

– Алина.

Я обернулась.

– Если выяснится, что вчерашний спектакль был просто красивым способом вернуть тебя в старую игру, не приходи ко мне за утешением.

Удар пришелся точно.

Потому что именно этого я боялась сама.

– Не приду, – ответила я.

– Верю.

И все.

Без объятий.

Без попытки спасти остатки приличия красивой сценой.

Только конец.

На улице дождь усилился. Я не сразу села в машину. Просто стояла под навесом, чувствуя, как холодный воздух наконец пробивает оцепенение.

Помолвки не было.

Игоря – тоже.

Теперь отступить было некуда.

Телефон завибрировал в кармане.

На секунду я подумала: Максим.

Но это был неизвестный номер снова.

Новая фраза:

Ты быстро освободилась

Я уставилась в экран.

Ни приветствия. Ни намека на сомнение. Ни попытки спрятать ядовитое удовольствие.

Тот, кто писал, знал про Игоря.

Знал, что разговор уже состоялся.

Следил?

Или просто очень хорошо был в курсе?

Я резко подняла голову, машинально оглядела улицу.

Люди под зонтами, серые машины, стеклянный фасад бизнес-центра, мокрый камень. Ничего.

Но ощущение чужих глаз уже вцепилось в кожу.

Я тут же набрала номер.

И, вопреки ожиданию, мне ответили.

Женский голос.

Низкий. Спокойный. Почти ленивый.

– Не звони мне больше, – сказала она.

– Кто вы?

Короткий смешок.

– Поздно начала задавать вопросы, Алина.

У меня похолодели пальцы.

Она знала мое имя.

– Мы знакомы?

– Ближе, чем тебе хотелось бы.

– Это вы писали мне?

– А ты как думаешь?

– Чего вы хотите?

Пауза.

Та самая, в которой собеседник наслаждается твоим напряжением.

– Чтобы ты хотя бы раз в жизни увидела правду не со своей стороны.

– Тогда говорите прямо.

– Прямо? Хорошо. – Голос стал чуть жестче. – Ты всегда думала, что была главной женщиной в его жизни. Это и есть твоя ошибка.

Я сжала телефон так сильно, что костяшки заболели.

– Кто вы?

– Та, кто знает его лучше, чем ты.

Связь оборвалась.

Я осталась стоять под дождевым воздухом, как после пощечины.

Та, кто знает его лучше, чем ты.

Господи.

Не просто соперница.

Не просто случайная спутница.

Женщина, которая считает себя вправе говорить со мной

так, будто имеет на это старое, прочное право.

Машина сигналила у обочины – водитель спрашивал взглядом, еду ли я или так и буду стоять каменной статуей.

Я села внутрь почти машинально и только там написала Лере:

**Игорь все закончил
и анонимка мне ответила
это женщина**

Ответ пришел мгновенно:

**Еду к тебе
ничего без меня не делай**

Разумеется.

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Та, кто знает его лучше, чем ты.

Слова жгли.

Потому что били не только по ревности.

Они били по самому больному месту – по моей уверенности, что то, что было между нами с Максимом, было уникальным. Неидеальным, разрушительным, страшным временами – но нашим. Особенным. Не копируемым.

А теперь какая-то женщина говорила со мной так, будто давно живет в той части его жизни, куда я уже не имею доступа.

Квартира встретила меня тишиной и Лерой, которая открыла дверь раньше, чем я вставила ключ.

– По лицу вижу: день становится только интереснее, – ска-

зала она.

– Насколько мне можно опуститься, чтобы сказать, что ненавижу женщин с низкими спокойными голосами?

– Насколько угодно. Проходи.

Через десять минут я уже пересказывала разговор. Лера слушала молча, не перебивая, только лицо у нее становилось все более хищным.

– Значит, так, – сказала она, когда я закончила. – У нас есть три направления. Первое – Оксана. Второе – женщина у машины. Третье – сам Максим, который, между прочим, тоже не обязан быть святым только потому, что оказался не таким виноватым, как ты думала.

– Знаю.

– Хорошо, что знаешь. Потому что химия химией, а мужчины иногда врут так же талантливо, как и страдают.

Я кивнула.

И именно в этот момент телефон снова ожил.

Но теперь номер был известен.

Максим.

Сердце дернулось так резко, что мне захотелось выругаться вслух.

Лера увидела имя на экране и подняла брови.

– Ну что, главная женская слабость сезона звонит.

Я вдохнула.

Приняла вызов.

– Да.

Пауза.

Потом его голос. Низкий, усталый, слишком знакомый.

– Ты говорила с Игорем?

Я сразу напряглась.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что такие разговоры не откладываются. Ответь.

– Да.

Он помолчал.

– И?

– Помолвки не будет.

С той стороны повисла тишина. Не театральная. Не победная. Какая-то очень мужская, тяжелая.

– Ясно, – сказал он наконец.

– Нет, не ясно. – Во мне мгновенно вспыхнула злость. – Максим, мне только что звонила женщина, которая считает, что знает тебя лучше меня. И я хочу услышать правду сейчас.

Он замолчал.

Слишком надолго.

И это было хуже любого ответа.

– Кто звонил? – спросил он.

– Не переводи. Кто она?

Еще одна пауза.

Потом он произнес:

– Нам нужно встретиться.

– Нет. Сначала ты скажешь, кто она.

– Не по телефону.

– Значит, есть что скрывать?

– Алина.

Всего одно слово.

Но в нем уже звучало раздражение.

Не наигранное. Настоящее.

– Я не буду снова играть по твоим правилам, – сказала я. – Либо ты отвечаешь, либо я сама узнаю. И, поверь, в этот раз я дойду до конца.

Он выдохнул. Я услышала это очень отчетливо. Как будто он на секунду прикрыл глаза где-то там, на другом конце города.

– Ее зовут Вера, – сказал он.

Имя ударило неожиданно сильно.

Простое. Женское. Опасное своей обыкновенностью.

– Кто она?

Молчание.

Потом:

– Моя бывшая жена.

У меня потемнело в глазах.

Лера напротив выпрямилась, мгновенно прочитав что-то по моему лицу.

А я сидела с телефоном у уха и понимала только одно: какая-то часть моей истории с Максимом только что разлетелась на куски.

Потому что за все время, что я его знала, он ни разу не

говори́л мне, что был́ женат.

Ни разу.

Глава 5. Мы снова работаем вместе

Есть признания, после которых человек кричит.

Есть такие, после которых плачет.

А есть слова, от которых внутри просто становится очень тихо.

Настолько тихо, что ты уже не уверена, бьется ли сердце или это просто звенит кровь в ушах.

Моя бывшая жена.

Я не сразу поняла, что Максим уже несколько секунд говорит в трубку мое имя.

– Алина.

Еще раз.

Ниже. Жестче.

– Ты меня слышишь?

Я слышала.

Просто в ту секунду во мне рухнуло сразу несколько вещей, о существовании которых я даже не думала до этого разговора.

Во-первых, та глупая, невыговоренная уверенность, что наша история когда-то была для него главной и единственной. Не в объективном смысле – у взрослых людей почти всегда есть прошлое, чужие связи, старые боли. Но я почему-то жила с ощущением, что рядом со мной он был впервые по-настоящему. Что до меня были женщины, но не было

ничего, что могло бы сравниться.

Теперь выяснялось: была жена.

Не просто женщина.

Не просто бывшая.

Жена.

И это слово ударило по самолюбию так жестко, что мне стало почти стыдно за силу своей реакции.

Во-вторых, рухнуло мое представление о собственной осведомленности. Я любила этого мужчину, жила им, знала, как он злится, как молчит, как прикасается, как дышит во сне – и при этом не знала, что у него был брак.

Значит, я знала не все.

Значит, где-то в самой основе нашей близости уже была закрытая дверь, перед которой я много лет не замечала таблички «вход запрещен».

А это было страшнее ревности.

– Алина, – снова сказал он, и теперь в голосе уже звучала тревога. – Ответь.

Я с трудом заставила себя вдохнуть.

– Сколько? – спросила я.

Пауза.

– Что сколько?

– Сколько лет ты был женат?

– Два года.

Два года.

Не один короткий юношеский брак по глупости. Не фор-

мальность. Не ошибка на три месяца. Два года – это уже жизнь. Быт. Общие ключи. Общая постель. Привычки. Ссоры. Завтраки. Молчание после душа. Чужие волосы на подушке. Все то, что обычно не помещается в слово «бывшая», но навсегда остается в теле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.